

НРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ

БЛАГОРОДСТВО КАК ПРЕДПОСЫЛКА НРАВСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ

Архимандрит Платон (Игумнов)

доктор богословия
профессор кафедры богословия Московской духовной академии
141300, Московская область, Сергиев Посад, Лавра, Академия
arhim.platon@gmail.com

Для цитирования: *Платон (Игумнов), архим.* Благородство как предпосылка нравственного достоинства личности // Богословский вестник. 2020. № 4 (39). С. 123–137. DOI: 10.31802/GB.2020.39.4.007

Аннотация

УДК 177.1

Статья посвящена теоретическому осмыслению понятия «благородство» с точки зрения его богословской, нравственно-этической, аксиологической и культурно-исторической значимости. Этнос благородства, открытый миру в нравственном облике Господа Иисуса Христа, представлен в качестве конструктивного начала, гарантирующего достоинство человеческой личности, осуществляющей своё предназначение в парадигме онтологической реальности и этического действия.

Ключевые слова: благородство, достоинство, свобода, призвание, предназначение.

Культурный горизонт нашей эпохи затемнён призраком морального беззакония, в стихию которого погружён современный мир. Либеральное сознание современного Запада, формируя этику нового времени, горит нетерпением обрести свободу без границ, забывая о нравственном достоинстве человеческой личности, о том, что «духовная свобода — это благородство»¹. Источник нравственного сознания — разум — обвиняется философией постмодерна в присвоении репрессивных функций над чувствами и волей человека. Звучит призыв вернуться назад к природе с её стихийной свободой раскованности и дикости. По мысли М. Фуко, провозглашённый эпохой модерна смысл исторического прогресса, утверждаясь на универсальных началах разума, отравил западную цивилизацию с её рефлексией на созданную человеком вселенную, сотканную из символов языка и культуры. «Не значит ли это, что вся эта конфигурация готовится рухнуть и что сам человек тем ближе к собственной гибели, чем ярче светит на нашем горизонте бытие языка?»²

Как полагает А. Дугин, в истории европейской философии наступил «закат Запада», конец той цивилизации, в которой «солнце садится»³. Мир вступил в эру исчезающих традиций. «Универсальные ценности приходят в упадок»⁴. Наша история, ведущая мир к его концу, содержит указание на вечность, ибо «погибнуть — значит принять на себя некоторую новую функцию в процессе созидания»⁵. Как заявляет П. Тиллих, «Бог времени есть Бог истории. Это означает прежде всего, что Он — Бог, действующий в истории, направленной к конечной цели»⁶.

«Вопрос, возможно ли ещё достоинство человека, идентичен вопросу, возможно ли ещё благородство»⁷.

С оскудением и забвением в сознании людей современной эпохи абсолютных и вечных начал бытия К. Ясперс связывает свою озабоченность судьбой благородства как одной из самых универсальных привилегий в ансамбле высших человеческих ценностей, определяющих достоинство личности. Тревога К. Ясперса как христианского мыслителя обусловлена тем обстоятельством, что благородство, будучи отмечено

1 Паисий Святогорец. Благородство — величие Божие // Паисий Святогорец. Слова. Т. 5: Страсти и добродетели. М., 2008. С. 234.

2 Foucault M. Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences. New York, 1970. P. 386.

3 Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: философия другого начала. М., 2010. С. 64.

4 Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 295.

5 Уайтхед А. Н. Избранные труды по философии. М., 1990. С. 697.

6 Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995. С. 262.

7 Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 406.

знаком величия и внутреннего превосходства, оказывается хрупким и беззащитным пред лицом внешней суровой действительности, чуждой и враждебной идеалам христианской морали. «Ярость постмодернистской деконструкции уничтожила не только образ Бога — образ человека разлетелся на мелкие осколки»⁸. На протяжении последних веков интерес человека к религиозным и духовным вопросам систематически подавлялся, однако потеря «энергии трансцендентного» ощущалась не как потеря, а как «достижение зрелости»⁹. Современный «взрослый» мир забывает, что история и культура «дали человечеству самый драгоценный инструмент прогресса — далёкую от практической осуществимости этику христианства»¹⁰ — этику высокого идеала морального совершенства. Не преображённый светом Евангелия мир так и не понял, что принесённая человечеству Благая Весть стала самой большой свободой, которая вступила в неизбежный конфликт с деспотизмом и дикостью древней эпохи и своей триумфальной победой над язычеством Римской империи привела к культурной трансформации мировой исторический процесс. На рубеже эпох христианство стало новым мировоззрением ойкумены. По заявлению Г. Гадамера, христианская догматика раскрыла «перед философской мыслью недоступные грекам горизонты»¹¹. П. Я. Чаадаев, для которого история, по словам протоиерея Георгия Флоровского, воспринималась как «созидание в мире Царствия Божия»¹², усматривает в мировом процессе радикальную метаморфозу общей панорамы исторической жизни, преображённой пламенем религиозного энтузиазма Евангелия: «Явилось христианство, начало нового мира. Оно... освятило державную власть печатью Божественного права, объявило царей, отцов народа, помазанниками Божиими. И вот новая блистательная жизнь заструилась в жилах человеческих. Европа воскресла и создала себе ту великолепную цивилизацию, которая дала ей первенство во вселенной»¹³.

Родившись в недрах культуры эллинистического мира, в географических пределах Средиземноморской ойкумены, христианская цивилизация восприняла роль доминирующей цивилизации среди цивилизаций мира и предопределила своим развитием дальнейший характер

8 Хаутелен А. Бог: открытый вопрос. М., 2008. С. 172.

9 Уотсон П. Эпоха пустоты. М., 2017. С. 557.

10 Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. С. 407.

11 Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 468.

12 Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1981. 2-е изд. С. 248.

13 Чаадаев П. Я. Сочинения. М., 1989. С. 544.

мирового культурно-исторического процесса. Вместе с провозглашением Благой Вести, которая стала последней и самой фундаментальной новостью в жизни античного мира, история как проект проходит под знаком актуального осуществления христианства. История воспринимается как «напряжённое ожидание завершения»¹⁴, в которой воскресение, интерпретированное в традиции теологии обетования, есть «знак того, что отныне обетование относится ко всем, смысл воскресения в его будущем»¹⁵. Если на фоне рациональной гуманистической идеи исторического прогресса человек стоит «перед требованием — следовать за Богом в Царство Божие»¹⁶, то тогда, перед лицом вечности, становятся «ничтожными все другие задачи»¹⁷. С точки зрения идеи имманентного присутствия Бога в мире, только лишь Его изначальное абсолютное Бытие является источником неуклонного возобновления порядка в мире. «Мы, — заявляет П. Рикёр, — принадлежим к иной эпохе бытия, к метафизической поро, для которой жизнь души в парадигме онтологической действительности и этического действия является основополагающей формой бытия»¹⁸.

Универсум человеческого существования необходимо включает этическое измерение, открывающее в своей потаённой глубине присутствие Бога в бытийном пространстве мира, поэтому мы живём также и в парадигме Божественной тайны, и в парадигме нашей этической и экзистенциальной ответственности. Под сенью этики христианства всемирная история человечества приобрела новый и окончательный смысл.

Этос благородства Ясперс относит к разряду «самых значительных явлений»¹⁹ в сфере духовной жизни человеческой личности. Однако в наше время подавляющее большинство людей забыло о бессмертии души, о новозаветном призвании человека стать «новым творением» в причастности к Божественной благодати, о задачах «вести новую жизнь»²⁰. Угрозу благородству несёт волна эмоционально окрашенной агрессивности с её деструктивной тенденцией к обеднению ценностного содержания жизни. Утрата человеком его достоинства вызвана

14 Рикёр П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. М., 2020. С. 490.

15 Там же. С. 491.

16 Ясперс К. Великие философы. Кн. 1: Задающие меру люди. М., 2018. С. 244.

17 Там же.

18 Рикёр П. Философская антропология. М., 2017. С. 153.

19 Там же. С. 406.

20 Ларше Ж.-К. Исцеление духовных болезней. Сергиев Посад, 2018. С. 281, 361, 484, 635, 722.

существованием внутренней неприемлемости и непримиримой озлобленности, коренящихся в глубине его эгоистической природной стихии, по отношению ко всему высокому, чистому, священному, светлому, идеальному, благородному. В своей циничной и разрушительной феноменологии метафизический призрак зла облекается в откровенную форму скепсиса, враждебности, озлобленности и мстительности. Эту тенденцию, имеющую источником либерализацию нравственного сознания, тенденцию, инспирированную духом рессентимента, К. Ясперс определил как «поход против благородства»²¹. В этом походе, имплицитно совершающемся на психологическом уровне, нет ничего неожиданного, поскольку, как верно заметил Габриэль Марсель, человек современной западной культуры утратил «контакт с той фундаментальной истиной», которая открывала ему присутствие Бога в его индивидуальном образе жизни²². Заблуждение в плане умозрения влечёт человека в область религиозной и ценностной слепоты.

В картине современной действительности на смену античным героям и средневековым святым пришли новые кумиры, которыми стали «продвинутые и успешные» люди, бонвиваны и потребители благ современного секуляризованного мира, поклонники роскоши, сенсаций, информации и скорости. Новые кумиры полностью поглощают жизнь тех, кто им поклоняется²³. Экзистенциальная стихия жизни нерелигиозного человека не знает ни глубинного смысла бытия, ни высшего предназначения. «Жизнь сегодняшнего человека не способствует углублению. Она лишена покоя и созерцательности, это жизнь неутомимости и спешки»²⁴. Уделом человека, утратившего религиозную веру и отпавшего от Церкви, вместе с мировоззренческой растерянностью и религиозной бесчувственностью становятся нравственная и ценностная невосприимчивость. Преданный гордости и чувственности, человек нашего времени не способен видеть и переживать сияние ценности благородства в тех людях, которые сочетают в себе «мощь и достоинство, силу бытия и исполненность смыслом»²⁵, которые являются самими собой, «в отличие от тех, кто ощущает в себе лишь пустоту»²⁶. В характеристике Н. Гартмана современный человек «не только неутомим

21 Ясперс К. Смысл и назначение истории. С. 407.

22 Marcel G. *Être et avoir*. Paris, 1935. P. 281.

23 Розенток-Хюси. Язык рода человеческого. М.; СПб., 2000. С. 476.

24 Гартман Н. Этика. СПб., 2002. С. 99.

25 Тиллих П. Избранное. Теология культуры. С. 62.

26 Ясперс К. Смысл и назначение истории. С. 407.

и поспешен, он к тому же — бесчувственный гордец, которого уже ничто не возвышает, не трогает, не увлекает до глубины души»²⁷. В своём надменном и гордом самомнении он стремится выработать устойчивый *modus vivendi*, представляющий «неспособность к удивлению, изумлению, восторгу, благоговению»²⁸. Эта данная Н. Гартманом характеристика современного европейского человека сближает его с описанием демона у А. С. Пушкина, где поэт говорит о радикальном скепсисе демона: «Не верил он любви, свободе, на всё с усмешкой он глядел, и ничего во всей природе благословить он не хотел»²⁹. В конечном итоге у современного человека в его рефлексии на всё высокое и священное «остаётся лишь ироническая или усталая усмешка»³⁰.

Воспитанный в понятиях исключительной значимости экзистенциального самоутверждения, человек нашего времени не способен видеть и переживать ценность благородства, присутствие которого в этической культуре человеческого достоинства, от начала ранней античности до викторианской эпохи включительно, оставалось неотлучным маркером исторической жизни всей цивилизованной ойкумены: оно вносило облагораживающее и преображающее влияние в культурную жизнь народов Востока и Запада. Конфуцианская традиция с её концепцией «благородного мужа» чтит красоту добродетели, в которой «благородство характера проявляет себя спонтанно»³¹. Дао «благородного мужа» завершается высшей добродетелью «Жэнь»³², означающей «человечность», «благожелательность»³³, то есть те черты характера, которые являются естественными предпосылками благородства.

В античной Элладе этос благородства воспринимался как необходимый предикат аристократической знатности. Физические достоинства и интеллектуальные способности вместе с выдающимися заслугами воспринимались как естественная предпосылка господства и связанных с ним социальных отличий и привилегий. В соответствии с названными критериями благородство первоначально понималось именно как благородство происхождения. Человек обладает благородством в силу своего онтологического достоинства. Теоморфизм человеческого типа,

27 Гартман Н. Этика. С. 99.

28 Там же.

29 Пушкин А. С. Демон. 1823 г.

30 Там же.

31 Уотлз Д. Золотое правило. М., 2016. С. 50.

32 Кит. 仁 (rén).

33 Уотлз Д. Золотое правило. С. 54.

отмечает Ф. Шуон, состоит в его целостности и благородстве: «его благородство выражается вертикальным и тяготеющим к небу положением, а его походка свободна и величественна»³⁴. В феноменологии благородства открывается «сокрытое в нём величие Божие»³⁵.

Природа научила античного человека чувствовать её живую красоту и «не признавать ничего прекраснее, чем сам человек»³⁶. Для древнего грека с понятием благородства неизбежно соединялись физическая красота, сила, ум, красноречие, героическая доблесть и великодушие. С точки зрения античного этического идеала красота жизни, украшенная благородством добродетелей, поистине «достойна удивления»³⁷. Благородство есть олицетворение интеллектуальной и этической доблести, которая позволяет представить, «насколько прекрасен лик справедливости и целомудрия»³⁸, и при этом признать, что «так не прекрасна даже вечерняя и утренняя звезда»³⁹. Античный мир мог воспринимать благородство как личную, ниспосланную свыше привилегию, как знак благосклонности судьбы, дающей человеку счастье и славу. За временной славой просматривалась трансцендентальная перспектива, залог обладания вечным благом и бессмертием.

В древних культурах Востока и Запада благородство почиталось универсальной доблестью, являющейся необходимым условием уподобления человека Богу.

Согласно Аристотелю, благородство является мотивом мужественного противостояния реальной неизбежности смерти. Мужественный человек действует «ради благородной цели, ибо цель добродетели — благородное»⁴⁰.

В своей принадлежности к идеальному порядку бытия благородство «неизбежно присуще немногим»⁴¹. Благородными личностями являются «легендарные герои человечества, те, кто вызывает восхищение, любовь и поклонение, истинные чада Божии, чьи имена не прейдут в зонах»⁴². Благородство означает верность Божественному предназначению. Кто благороден, «кто имеет предназначение, кто слышит голос

34 Шуон Ф. Очевидность и тайна. М., 2007. С. 262.

35 Паисий Святгорец. Слова. Т. 5: Страсти и добродетели. С. 231.

36 Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979. С. 478.

37 Там же.

38 Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 1980. С. 438.

39 Там же.

40 Аристотель. Никомахова этика. III, 7.

41 Гартман Н. Этика. С. 382.

42 Юнг К. Г. Бог и бессознательное. М.; Назрань, 1998. С. 463.

глубин, тот обречён»⁴³. В отношении благородного человека Аристотель употребляет термин *καλός*; тот же термин использует святой Иоанн Богослов в Евангелии, где Христос именуется Себя добрым пастырем (см. Ин. 10, 11.14), — *ποιῆν καλός*, то есть «превосходный», «доблестный» пастырь, доблесть которого заключается в свободном и победном шествии навстречу смерти, в жертвенном полагании Своей души за жизнь мира, поскольку «на смерть можно ответить другой, равной или большей смертью»⁴⁴. В Своем Воплощении Сын Божий открыл ноуменальное основание богозданной человеческой природы, которая оказалась вознесённой над всем космическим бытием и связанной незримыми нитями с трансцендентным Богом. И эта глубина, эта бездонность была неведома античному миру. «Наряду с Богом, Создателем Вселенной, есть и Бог, соучастник нашей истории, её носитель. Он Тот, Кто вошёл в историю людей, Тот, Кто жил среди нас и стал звеном в цепи поколений, уникальным представителем человеческого рода, Иисусом из Назарета, Эммануилом, духовным родоначальником нового человечества»⁴⁵.

Христос — Мессия. Он пришёл исполнить закон и обетования пророков. «*Nomos*, — отмечает Хайдеггер, — не просто закон, но в более изначальной глубине предназначение, таящееся в миссии бытия»⁴⁶. Свою всемирную искупительную миссию Христос исполнил через Свою смерть⁴⁷. В ней Христос открыл Своё Божественное достоинство, «приняв на Себя не земную славу, а позор и земное страдание»⁴⁸. Придя в сферу отравленного человеческим грехом бытия, Он возлюбил всех сущих в мире людей и «освободил их, разделив с ними Свою божественность»⁴⁹, в силу того, что «все мы люди, происходим от Адама, все мы связаны родством, созданы Богом по образу и подобию Его»⁵⁰. В Своем Воплощении и в Своей добровольной искупительной смерти Сын Божий стал солидарен со всеми людьми, живущими и умершими, стал таким, каким является каждый из нас, чтобы Божественная жизнь, сосредоточенная в Нем как одном человеке, могла затем от Него передаться всем нам»⁵¹.

43 Юнг К. Г. Бог и бессознательное. С. 464.

44 Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2015. С. 98.

45 Хаутепен А. Бог: открытый вопрос. С. 451.

46 Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 218.

47 Хейз Р. Этика Нового Завета. М., 2005. С. 227.

48 Розеншток-Хюси. Язык рода человеческого. С. 485.

49 Там же.

50 Ясперс К. Смысл и назначение истории. С. 31.

51 Розеншток-Хюси. Язык рода человеческого. С. 484.

Своей победой над смертью, победой, которая в своём универсальном всемирном значении была действительно триумфальной, Христос открыл всему человечеству перспективу вечной бессмертной жизни в Царстве Отца Своего. Он стал победителем смерти во всех событиях Своей жизни, в Гефсимании и на Голгофе, и «именно таким победителем пришёл Он снова, открылся Своим ученикам в пасхальном событии»⁵².

Христос осуществил предназначенную Им Самим миссию в парадигме исторически и культурно обусловленной экзистенциальной действительности, явив самое глубокое и фундаментальное основание человеческой духовной природы с неотъемлемым от неё нравственным началом, отмеченным всеми гранями высшего достоинства, включая и благородство. Восприняв подлинность человеческой природы в её нумеральной сущностной полноте, Он открыл метафизические основания и эсхатологическую перспективу человеческой бытийности, актуально воспринятую Его последователями в исторической жизни мира.

Огонь Пятидесятницы охватил средиземноморскую ойкумену, в которой пламя священного энтузиазма зажглось в миллионах последователей Христа, «подобно огню в светильнике»⁵³, если уместно здесь употребить приведённую А. Ф. Лосевым яркую метафору из наследия ученика Аммония Саккоса — Плотина, не менее гениального и не менее загадочного, чем знаменитый Ориген, с которого в Церкви «начинается эпоха эрудиции»⁵⁴. Пламенный энтузиазм христианской веры, явившийся впечатляющей манифестацией подлинного благородства, поддерживала, как выразился Э. Мунье, «молодость первого порыва»⁵⁵, в который были вовлечены народы Римской империи.

Благородство личности является одним из наиболее глубоких и сокровенных нравственных понятий, относящимся к идеальным характеристикам человека. В феноменологии нравственности этос благородства представляет собой вполне интегральную характеристику достоинства человеческой личности. В достоинстве личного благородства отражается сияние высших нравственных достижений личности. Если применить метафору святого апостола Павла, следовало бы сказать, что в сиянии благородства христианской души изображается Христос. Следовало бы также отметить, что в мире высших ценностных смыслов нет такой значимости, которая не была бы включена в ансамбль

52 Барт К. Церковная догматика. Т. 3. М., 2014. С. 236.

53 Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. С. 714.

54 Bigg С. The Origins of Christianity. Oxford, 1909. P. 419.

55 Мунье Э. Христианское противоядие. СПб., 2002. С. 42–43.

всех основных достоинств благородства, что позволяет говорить о его исключительной онтологической, этической, интеллектуальной, культурной, творческой, аксиологической, религиозной и сотериологической значимости. Быть благородным — значит в подлинно этическом смысле быть человеком и пребывать в состоянии предельно возможной нравственной сформированности в каждое текущее мгновение жизни, требующее отклика подлинного аристократизма как открытого и честного проявления нравственной доблести, не делая для себя никакого исключения. Если Н. Гартман в своей «Этике» говорит, что «аристократ ставит равное требование для себя, как и для других»⁵⁶, то старец Паисий Святогорец утверждает, что «благородная душа требует только с себя, но не с других»⁵⁷.

Отмеченное рангом универсальной духовной значимости, благородство всегда высоко превозносилось в царстве этических ценностей. Во всех традиционных культурах благородство почиталось в качестве высокой и исключительной нравственной привилегии личности. Античность и Средневековье почитали героев и святых. «Почитание разного рода героев есть конкретная живая мораль, историческая форма соответствующего ценностного сознания»⁵⁸.

В истории мировой цивилизации веками и целыми тысячелетиями совершался переход к универсальности. Такой же переход к универсальности совершает каждая конкретная человеческая личность, стремящаяся к воплощению в своей повседневной экзистенции, в своём сознании и поведении идеала благородства. Истинная природа благородства узнаётся по его скромному внешнему одеянию. Благородство не стремится быть отмеченным ни громким эхом мирской человеческой славы, ни блистательным отражением кумира величия, созданного праздным воображением. Оно облачено в интеллектуальные и нравственные символы трансцендентальной реальности, на нём положена печать нездешнего достоинства и величия.

Благородство является самой универсальной и интегральной характеристикой в культурном облике христианства и в его триумфальной манифестации в мире, поскольку оно несёт миру свидетельство: именно «весть о Новой реальности, которая делает возможным исполнение нашего сущностного бытия»⁵⁹.

56 Гартман Н. *Этика*. С. 445.

57 Паисий Святогорец. *Слова*. Т. 5: Страсти и добродетели. С. 231.

58 Гартман Н. *Этика*. С. 186.

59 Тиллих П. *Избранное*. Теология культуры. С. 391.

Благородство предполагает личную осознанность человеком своей мировоззренческой и нравственной позиции и, формируя человека чести и совести, возводит его под воздействием Божественной благодати на высокую степень духовно-нравственной преображённости. Благородству присуще воодушевление, горящее пламенным желанием исполнять благу и угодную волю Божию. Жизнь человека принадлежит тайне Завета с Богом. В основе природы благородства лежит верность Завету, следование которому осуществляется человеком в стихии его личной свободы, в парадигме его экзистенциального существования. В своём этическом содержании благородство заключает исключительно конструктивный смысл. Своим метафизическим основанием благородство души имеет глубокую укоренённость в безграничном величии Бога, открывшего во Христе идеальный образ истинного благородства, явленного миру в сиянии Его абсолютного богочеловеческого достоинства. С момента Боговоплощения, ставшего ноуменальным средоточием вселенской жизни, отблеск благородства, открытого в евангельском образе Христа, находит отражение в облике Его учеников, святых апостолов, многолико отражаясь в человеческих судьбах, в культуре и истории. Своим отражённым сиянием Божественной славы благородство озаряет и преображает все сферы человеческой жизни, от самых высоких вершин до самых далёких и скромных, но всё-таки ценных периферийных реальностей бытия. Всемирная история знает множество примеров, в которых предметом восхищения и поклонения являлись агрессия великих завоевателей и беспощадность лидеров революций. Только полная невосприимчивость к высшим ценностям, какими являются провозглашённые Евангелием нравственные истины, способна видеть в актах вандализма, разрушения, жестокости и мести, чинимых агрессорами и революционерами, восторг и очарование величия, перед которым следует преклоняться. «И для меня, — замечал по поводу подобного величия В. В. Розанов, — выше Наполеона наша горничная Надя, такая кроткая, милая и изредка улыбающаяся»⁶⁰. В интеллектуальном и мировоззренческом плане для Розанова «всякий дьячок имеет уверенность в том, до чего едва додумался и едва имел силы достигнуть Платон»⁶¹.

Призыв к нравственному благородству содержится в текстах Нового Завета, в апостольских Посланиях, в заповедях блаженства, в которых провозглашается, что «Божие благословение почиет на скорбящих,

60 Розанов В. В. Уединённое. Т. 2. М., 1990. С. 548.

61 Там же. С. 574.

кротких, миротворцах и особенно гонимых»⁶². Своим метафизическим основанием благородство конкретной человеческой личности имеет архетипическую укоренённость в источнике Божественной благодати. Во Христе Бог открывает нам сияние славы Своего абсолютно благородства в его идеальной полноте. Достоинство Господа Иисуса Христа открывается в манифестации Его благородства, которое в своей исключительной привилегии, в своей уникальной единственности и непостижимой глубине принадлежит авторитету Его Божественной Личности. Он носил славу Своего благородства, Своего абсолютного онтологического первенства, под покровом добровольного унижения в Своём беспримерном кенотическом подвиге. В Своей любви к реальному миру Сын Божий снизошёл к падшему человеку и разделил с ним его судьбу, его горький и безрадостный земной удел. Его благородство в своей безграничности и беспредельности простирается до того, чтобы ничем, даже малейшим намёком, не подчеркнуть Своего превосходства перед теми, кого Он пришёл спасти, оно простирается до принятия вины людей, до желания «позволить отяготить Себя их виной»⁶³. Сияние благородства пришедшего в мир Сына Божия находит отражение в характере нравственной доблести святых праведников, в нравственном достоинстве сонмов людей в истории, для которых онтологическим основанием их смысла и предназначения стало актуальное усвоение благодатных следствий исторического пришествия в мир Христа, Сына Адамова, Сына Божия (см. Лк. 3, 38). Верность человека Завету с Богом имеет своим ресурсом близость души к Божественному огню (см. Лк. 12, 49), озаряющему её внутренний мир сиянием благородства, доблести и достоинства, наполняя её сущностным бытием.

Библиография

- Барт К.* Церковная догматика. Т. 3. М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2014.
- Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Книжный дом «Университет»; Добросвет, 2015.
- Бонхёффер Д.* Этика. М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2013.
- Гадамер Х. Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
- Гартман Н.* Этика. СПб.: Владимир Даль, 2002.

62 *Хейз Р.* Этика Нового Завета. М., 2005. С. 430.

63 *Бонхёффер Д.* Этика. М., 2013. С. 234.

- Дугин А. Г. Маргин Хайдеггер: философия другого начала. М.: Фонд «Мир», Академический Проект, 2010.
- Ларше Ж.-К. Исцеление духовных болезней. Сергиев Посад: Московская духовная академия, 2018.
- Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М.: Искусство, 1980.
- Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: Искусство, 1979.
- Мунье Э. Христианское противостояние. СПб.: Паолине, 2002.
- Паисий Святогорец. Слова. Т. 5: Страсти и добродетели. М.: Святая гора, 2008.
- Рикёр П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. М.: Академический Проект, 2020.
- Рикёр П. Философская антропология: рукописи и выступления. М.: Гуманитарная литература, 2017.
- Розанов В. В. Уединённое. Т. 2. М.: Политиздат, 1990.
- Розеншток-Хюси. Язык рода человеческого. М.: Центр гуманитарных инициатив; СПб.: Университетская книга, 2000.
- Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юристъ, 1995.
- Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990.
- Уотлз Д. Золотое правило. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016.
- Уотсон П. Эпоха пустоты. М.: Эксмо, 2017.
- Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж: YMCA-press, 1981. 2-е изд.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.
- Хаутепен А. Бог: открытый вопрос. М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2008.
- Хейз Р. Этика Нового Завета. М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2005.
- Чаадаев П. Я. Сочинения. М.: Правда, 1989.
- Шуон Ф. Очевидность и тайна: избранные труды. М.: Номос, 2007.
- Юнг К. Г. Бог и бессознательное. М.: АСТ; Назрань: Олимп, 1998.
- Ясперс К. Великие философы. Кн. 1: Задающие меру люди. М.: Канон-плюс, 2018.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
- Bigg C. The Origins of Christianity. Oxford: Clarendon Press, 1909.
- Foucault M. Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences. New York: Pantheon Books, 1970.
- Marcel G. Être et avoir. Paris: Fernand Aubier, 1935.

Nobleness as a Precondition for the Moral Dignity of the Personality

Archimandrite Platon (Igoumnov)

Doctor of Theology

Professor in the Theology Department of Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

arhim.platon@gmail.com

For citation: Platon (Igoumnov), archim. "Nobleness as a Precondition for the Moral Dignity of the Personality". *Theological Herald*, № 4 (39), 2020, pp. 123–137 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2020.39.4.007

Abstract. The article is devoted to the theoretical understanding of the concept of "nobility" from the point of view of its theological, moral, ethical, axiological and cultural-historical significance. The ethos of nobility, revealed to the world in the moral image of the Lord Jesus Christ, is presented as a constructive principle that guarantees the dignity of the human person, who fulfills his destiny in the paradigm of ontological reality and ethical action.

Keywords: nobility, dignity, freedom, vocation, purpose.

References

- Bart K. (2014) *Cerkovnaja dogmatika. T. 3* [Church Dogmatics, Vol. 3]. Moscow: St. Andrew's Bible and Theological Institute (in Russian).
- Baudrillard J. (2015) *Simvolicheskij obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Moscow: Book house «University»; Dobrosvet (in Russian).
- Bonhoeffer D. (2013) *Etika* [Ethics]. Moscow: St. Andrew's Bible and Theological Institute (in Russian).
- Dugin A. G. (2010) *Martin Hajdegger: filosofija drugogo nachala* [Martin Heidegger: The Philosophy of Another Beginning]. Moscow: Foundation «Peace»; Academic Project (in Russian).
- Florovskij G. (1981) *Puti russkogo bogoslovija* [Ways of Russian Theology]. Paris: YMCA-press (in Russian).
- Foucault M. (1970) *Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. New York: Pantheon Books.
- Frankl V. E. (1990) *Chelovek v poiskah smysla* [Man in Search of Meaning]. Moscow: Progress (in Russian).
- Gadamer H. G. (1988) *Istina i metod. Osnovy filosofskoj germenевtiki* [Truth and Method. Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Moscow: Progress (in Russian).
- Gartman N. (2002) *Etika* [Ethics]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' (in Russian).
- Hays R. B. (2005) *Etika Novogo Zaveta* [New Testament Ethics]. Moscow: St. Andrew's Bible and Theological Institute (in Russian).
- Heidegger M. (1993) *Vremja i bytie* [Time and Being]. Moscow: Republic (in Russian).

- Houtepen A. W. J. (2008) *Bog: otkrytyj vopros [God: An Open Question]*. Moscow: St. Andrew's Bible and Theological Institute (in Russian).
- Jaspers K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii [Meaning and Purpose of the History]*. Moscow: Politizdat (in Russian).
- Jaspers K. (2018) *Velikie filosofy. Kn. 1: Zadajushhie meru ljudi [The Great Philosophers. Book 1: The Foundations]*. Moscow: Kanon-plus (in Russian).
- Jung K. G. (1998) *Bog i bessoznatel'noe [God and the Unconscious]*. Moscow: AST; Nazran': Olimp (in Russian).
- Larchet J.-C. (2018) *Iselenie duhovnyh boleznj [Healing of Spiritual Diseases]*. Sergiev Posad: Izd. MDA (in Russian).
- Losev A. F. (1979) *Istorija antichnoj estetiki. Rannij jellinizm [History of Ancient Aesthetics. Early Hellenism]*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).
- Losev A. F. (1980) *Istorija antichnoj estetiki. Pozdnij ellinizm [History of Ancient Aesthetics. Late Hellenism]*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).
- Marcel G. (1935) *Être et avoir*. Paris: Fernand Aubier.
- Mounier E. (2002) *Hristianskoe protivostojanie [Christian Opposition]*. Saint-Petersburg: Paoline (in Russian).
- Ricœur P. (2017) *Filosofskaja antropologija: rukopisi i vystuplenija [Philosophical Anthropology: Manuscripts and Speeches]*. Moscow: Humanities Literature (in Russian).
- Ricœur P. (2020) *Konflikt interpretacij: ocherki o germenevtike [Conflict of Interpretations: Essays on Hermeneutics]*. Moscow: Academic Project (in Russian).
- Rosenstock-Huussy E. M. F. (2000) *Jazyk roda chelovecheskogo [The Language of the Human Race]*. Moscow; Saint-Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives; University Book (in Russian).
- Schuon F. (2007) *Ochevidnost' i tajna: izbrannye trudy [Evidence and Mystery: Selected Works]*. Moscow: Nomos (in Russian).
- Tillich P. J. (1995) *Izbrannoe. Teologija kul'tury [Selected. Theology of Culture]*. Moscow: Jurist (in Russian).
- Wattles J. (2016) *Zolotoe pravilo [The Golden Rule]*. Moscow: Institute of General Humanitarian Research (in Russian).
- Watson P. (2017) *Jepoha pustoty [The Age of Nothing. How We Have Sought to Live Since the Death of God]*. Moscow: Eksmo (in Russian).
- Whitehead A. N., Kissel M. A. (ed.) (1990) *Izbrannye raboty po filosofii [Selected Works on Philosophy]*. Moscow: Progress (in Russian).